

манские языки полуострова — кельтские и древнейший язык автохтонов — баскский.

Наше предположение опирается и на тот факт, что в этих языках отсутствуют формы для выражения пассивного залога. Вместо них употребляются безличные конструкции. Нет и специальных возвратных частиц: в безличных моделях не содержится никакого намека на показателе действия. Ср. валл. *cosbyr plant drwg* «плохие дети наказываются», букв. «имеется наказание плохих детей»; *Lladdwyd Jones (gan Williams)* букв. «убило Джонса (Уильямсом)». Как отмечает Г. Пильх, хотя в английских переводах глагол этой конструкции передается пассивом, сама она пассивной не является, так как собственно пассивной следует считать только такую конструкцию, в которой подлежащее не элиминировано, хотя и не соответствует субъекту; это так называемая субъектно-безличная конструкция; в валлийском финитные формы безличной конструкции служат для образования активных конструкций, в которых не выражено подлежащее [38, с. 118]. В британских языках вообще безличные формы имеют наибольшее распространение: здесь они употребляются во всех временах и наклонениях [6, с. 367]. Примечательно также и то, что некоторые личные валлийские глаголы могут употребляться как безличные. Например, *genig* «есть рожденный» (вместо «родиться»). Однако и в ирландском, несмотря на архаическую черту — присутствие индоевропейского пассива (это убедительно показал Ю. Покорный, развив точку зрения А. Эрну, А. Мейе, В. Пизани), безличные конструкции были образованы самостоятельно и независимо от более старых (как это предполагал Ж. Вандриес) форм пассива, причем во фразе типа *po-m-be-gar* пассивное осмысление («я был принесен») является вторичным, первичным же здесь является безличное «меня несло» (*man tragt mich*) [39, с. 317]. Х. Вагнер отметил, что пассив в древнеирландском помимо безличных конструкций мог также передаваться и активными конструкциями с финитными формами [40, с. 303].

Уже в 1880 г. Г. Шухардт, исследуя кельтский субстрат в романских языках, указал на романо-кельтское соответствие в образовании подобных конструкций, ошибочно полагая при этом, что кельтские формы пассивны: валл. *fe'm dysgir* = лат. *me dicitur* «es wird mich gelehrt» или «*man lehrt mich*» («мне прочитали»); др.-ирл. *no-m-be-rar* = лат. *me fertur* — итал. *vi si prega* «вас просят», *mi si dice* «мне говорится». Итальянские модели, по его мнению, можно отнести к безличным. В работах последнего времени также было отмечено сходство иберо-романских форм с *se* с безличными местоименными формами в ирландском (*is me, is tu*) и то, что пассив, отсутствующий в ирландском, сравнительно редко встречается в португальском (Х. Фермеер). Однако, принимая предположение о воздействии субстрата, способы выражения безличности в испанском языке, не обнаруживающие адекватного соответствия коммуникативного и грамматического уровней с безличными конструкциями французского и итальянского языков (И. В. Дегтяревская), правильнее было бы рассматривать как следствие влияния дороманских языков Пиренейского полуострова, и в частности баскского, поскольку в самих кельтских языках отсутствие пассива и замещение его безличными конструкциями трудно объяснить как исконное явление. Вероятнее всего, как считают некоторые исследователи, это интересное явление, не находящее аналогов в других индоевропейских языках, является одной из многочисленных инноваций, появившихся в кельтских языках в процессе их длительного симбиоза с автохтонными доиндоевропейскими племенами Западной Европы (обзор подобных образований в индоевропейских языках, в котором подробно делается анализ кельтского материала, осуществлен в начале века Х. Педерсеном, относящим подобные образования в кельтских, индоиранских, славянских и германских языках к числу инноваций [22, с. 134, и сл.]). В настоящее время использование безличных конструкций вместо пассивных — фено-